

САНКЦИИ И СТРУКТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

ВАХА МАГОМАДОВ

Ключевые слова - санкции, спрос, предложение, потребление, учетная ставка, бедность, предбедность, регулятор.

ВВЕДЕНИЕ

Автор проводит анализ особенностей структурной адаптации экономики России в условиях санкционных ограничений, возрастания шоков со стороны спроса и предложения, их кризисной разбалансировки с учетом неустойчивой модели потребления. Обосновываются решения в области кредитно-денежной политики и регулирования учетной ставки, которые становятся сложной производной подвижности конъюнктуры товарного рынка, ограниченной доступности импорта, развивающегося процесса пересборки производственных цепочек и импортозамещения, а также торможения восстановительного роста за счет шоков мобилизации, миграционного оттока трудовых ресурсов и сохраняющейся неопределенности геополитического расклада во внешнем контуре экономики.

Ужесточение и расширение секторальных санкций против России в 2022 г. резко актуализируют и заостряют ключевые послы и выводы автора из-за усложнения условий господдержки отраслевых программ импортозамещения, необходимости ускоренной перестройки производственных цепочек и разворота системы товароснабжения экономики с севера на юг и с запада на восток.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ

В 2022 г. санкции, последовавшие за пандемией, резко изменили траекторию развития отраслей и экономики в целом, новые прогнозы роста

которой указывают на ее постепенное восстановление на периметре ближайших лет.

Динамичное развитие АПК на фоне роста экономики и относительно стабильного потребления входит в более сложную фазу развития, связанную с перепроизводством и ограниченным экспортом.

Цель настоящей статьи оценить макроэкономическую базу этого изменения АПК и траекторию дальнейшего развития экономики в контексте прогнозов и оценок, которые предлагают ученые и высшие отраслевые ведомства.

Перед экономикой России стоит сложная задача перехода к росту и восстановлению отраслевого комплекса, преодоления спада и формирования новых драйверов подъема в условиях перестройки производственно-распределительных цепочек, их частичного выключения из процесса глобализации мировой экономики, ограничений в части импорта технологических компонентов и др.

Восстановление экономики в 2022-2024 гг. будет происходить в условиях спросовых ограничений и сохраняющихся шоков предложения, разгон которого ограничен слабой потребительской базой рынка, блокированием экспортных рынков и сложностями пересбора производственных цепочек в процессе фронтального импортозамещения.

Согласно прогнозам Минэкономразвития, полное преодоление спада и выход на темп роста свыше 2,5% в год в 2024-2025 гг. будет опираться, прежде всего, на рост внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного.

В 2022 г. восстановление экономики носит скачкообразный характер, что приводит к корректировке прогнозов отраслевых ведомств относительно инфляции и экономического роста. В целом, ЦБ РФ и Минэкономразвития имеют схожие оценки. Согласно прогнозам регулятора, к концу 2022 г. годовая инфляция составит 12-13%, после чего снизится до 5-7% в 2023 г. и выйдет к целевому уровню 4% в 2024 г. Прирост ВВП в 2024-2025 гг. составит 1,5-2,5%.

Точность данных прогнозов ограничена расширением масштаба неопределенности в 2023 г., связанной с вводом санкций и проявлением эффекта санкционного давления в условиях нового геополитического напряжения, а также эффекта роста государственных трат, связанных с финансированием военной спецоперации на Украине и в меньшей степени со стимулированием роста экономики.

К концу 2022 г. ЦБ РФ представил более оптимистичные прогнозные оценки сокращения конечного потребления домохозяйств и валового накопления капитала, прогноз которого вышел в положительную область 0-1% против спада на 3,5-7,5%, который был спрогнозирован в середине 2022 г.

Таким образом, переоценка прогнозов является индикатором более динамичной структурной адаптации экономики к санкционным ограничениям по основным процессам:

- перенаправление нефтяного экспорта РФ;
- восстановление объемов импорта;
- более активное поддержание потребления по бюджетному и кредитному каналам. Это отражается на пересмотре прогнозных темпов роста М2 с 12-7% в июле 2022 г. до 23-26% в октябре.

Годовой прогноз ЦБ РФ относительно роста ВВП остался неизменным, его сокращение по итогам 2023 г. ожидается на уровне 1-4%.

На вероятное торможение восстановления экономики указывает смещение прогнозных сроков основного инвестиционного спада в 2023 г., в котором ожидаемое сокращение валового накопления основного капитала составит 3-7% против ожидавшихся в июле 2022 г. 0,5-4,5%.

Такая корректировка вызвана избыточным давлением на инвестиционную активность ряда факторов, включая высокую неопределенность, повышенную премию за геополитический риск, а также ограничения в части доступности импортного оборудования.

Продолжающееся ужесточение санкций приведет к росту внешне-торговых ограничений, которые будут усугубляться рядом факторов:

- блокирование поставок российской нефти и нефтепродуктов в рамках вступающего в силу европейского эмбарго;

- введение новых пакетов санкций;
- введение потолка цен на российские энергоресурсы со стороны стран Запада;
- повышение рисков рецессии в крупнейших экономиках мира.

Кроме того, регулятор сместил момент достижения низшей точки спада к середине 2023 г. с выходом в положительную зону в течение IV кв. 2023 г.

Важным фактором развития экономики России выступает население, которое образует потребительскую базу роста экономики. Особенность сферы потребления в экономике России определяется тем, что ее базовые параметры, включая дифференциацию, доходы занятых в отдельных секторах, масштаб бедности являются производными от системы воспроизводства, закрепленной в экономике. Приход COVID-19 в период 2020-2021 гг. выступил как искажение этой модели и сформировал новую динамику изменения доходов в сфере конечного потребления.

Как показывает исследование Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), в 2015-2019 гг. в России сформировалась модель, отличающаяся следующими чертами [4, С.1-2]:

- относительно слабая динамика реальных доходов (в отдельные годы до пандемии – снижение) и заработной платы, что ограничивало возможности расширения потребления. Низкая производительность труда выступила одним из факторов, сдерживающих увеличение доходов населения;

- эмпирически значимая дифференциация населения по доходам при высоком уровне предбедности;

- рост объемов кредитного стимулирования спроса в условиях слабого роста доходов и высокого уровня предбедности, что самовоспроизводящийся цикл торможения потребления из-за роста долговой нагрузки населения.

В целом, в экономике был накоплен запас прочности, что позволило относительно быстро преодолеть кризис 2020 г. с выходом на восстановление доходов населения уже со II кв. 2021 г. [8]

Тем не менее, сфера благосостояния сохранила чувствительность к шокам при характерном для нее высоком уровне предбедности, которая

может быстро переходить в бедность, что сопровождается снижением уровня жизни населения.

Связанный с введением санкционных ограничений кризис будет иметь более долгосрочный характер, влияние которого на экономику согласно результатам анализа ЦМАКП будет канализировано по трем важным направлениям [4, С.2-3]:

- риск увеличения абсолютной бедности;
- риск увеличения относительной бедности из-за снижения доходов;
- риски для среднего класса с точки зрения благосостояния и уровня потребления.

Последний риск предполагает сокращение доходов, которое вызывает изменение уровня потребления. Это системный риск эрозии среднего класса, характерный не только для России, но и стран Запада, в которых сегодня наблюдается увеличение дифференциации населения с расширением малоимущего слоя [3].

Таким образом, модель накопления капитала на уровне домохозяйств и особенности их текущей стратификации отражают назревающий глубокий кризис среднего класса как социальной базы, которая «цементирует» общество.

Накопленный со стороны спроса высокий уровень предбедности является замыкающим фактором описанной модели, который воспроизводит бедность/предбедность «в длинную». Это вызывает снижение устойчивости экономики, поскольку кризисный переход предбедности в бедность может происходить быстро и сопровождаться резким снижением потребления.

Анализ динамики заработной платы в отраслевом разрезе в 2021 г. позволяет констатировать ее рост практически во всех секторах. «При этом в большинстве отраслей соотношение заработной платы и МРОТ незначительно превышало средний по экономике уровень - 4 раза или было меньше. Только в 4 отраслях номинальная среднемесячная заработная плата более чем в 6 раз превосходила МРОТ» [4, С.5-6].

Все это отражает неустойчивость потребления: несмотря на восстановление доходов и заработной платы в ряде отраслей воспроизводится прямой риск перехода части занятых за границу бедности или предбедности (табл. 1).

Табл. 1 – Структурные показатели благосостояния населения
(% от числа опрошенных ИнФОМ, на конец года) [4, С.7]

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
денег не хватает даже на питание	8	9	10	10	9
на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви	31	31	27	30	27
на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники	40	36	35	33	37
денег вполне хватает на покупку крупной габаритной техники, но не можем купить новую машины	13	14	15	14	15
денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений как квартира, дом	5	7	9	10	8

материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом	2	2	3	2	2
---------------------------------------------------------------------------------------------	---	---	---	---	---

Обозначенная выше модель развития потребления сформировалась на длинной траектории отношений между тремя агентами рынка: государственным сектором, экспортом и домохозяйствами. После кризиса 2012 г., который завершился девальвацией и «зачисткой» банковского сектора на фоне относительно стабильного положения экспортного бизнеса и домохозяйств именно государственный сектор вступил в фазу роста, который происходил одновременно в трех направлениях: доминирование в банковском секторе; развитие безналичного оборота и различных транзакционных доходов; развитие городского жилищного строительства.

В сфере городского девелопмента сложилась модель, когда высокая добавленная стоимость госсектора формировалась за счет отрицательной добавленной стоимости частного сектора, который оплачивал дорогую ипотеку, компенсировал расходы на муниципальную инфраструктуру, покупку земли девелопером у государства и др. Все эти издержки были включены в стоимость жилья, покупка которого делала беднее частный сектор, потребление со стороны которого становилось основной ростовой базой государства [5].

С 2018 г. данная модель зашла в тупик, поскольку спрос оказался не в состоянии разогнать экономический рост до нужного уровня. В условиях исчерпания источников доходов в 2018-2019 гг. были резко увеличены объемы налоговых сборов, которые в разы превысили темпы роста ВВП.

Поскольку этот рост базировался на потреблении частного сектора, для которого долг всегда был дорогим, девелопмент достиг предела роста, а экспортный потенциал был ограничен замедлением роста мировой экономики, вся выстроенная экономическая модель дала сбой. Пандемия, и

далее санкции довершили институциональную инверсию механизма роста экономики.

Таким образом, накопление отрицательной добавленной стоимости в частном секторе и ее перераспределение в пользу госсектора фактически ослабили доходную базу домохозяйств.

«Накопленная» чувствительность спроса к шокам создала более сложную и неустойчивую механику управления экономикой в постпандемийной фазе ее развития, когда санкции и выпадающая часть предложения осложняют возможность прогнозирования реального соотношения слабого спроса и предложения, понятный баланс которых позволил бы вырабатывать более точные решения.

Санкции и общая разбалансировка экономики РФ создают еще более сложную траекторию поведения спроса, который выступает важным драйвером развития, усиливая дефляционное или проинфляционное давление на экономическую динамику рынка. Сложность в оценке данного показателя указывает широкий диапазон разброса оценок ЦБ РФ от стагнации до сокращения на 3%.

При этом, в кризис государство активно включилось в процесс восстановления потребительской активности, стимулирующий которую плановый дефицит бюджета увеличен до 2,9 трлн руб. - 2% ВВП против 1,6 трлн руб. - 1,1% ВВП в рамках июньских корректировок Министерства финансов РФ.

Более высокий спрос со стороны госсектора и характерный для него растущий дефицит бюджета, как и кредит экономике являются каналом создания денег.

Таким образом, текущее расширение бюджетного стимула вступает проинфляционным фактором, наличие которого в среднесрочной перспективе будет связано с ростом расходов в результате мобилизации и присоединения новых территорий.

Такая денежная инъекция в экономику по бюджетному каналу существенно сужает пространство для сбалансированного наращивания кредита экономике, который по определению не создает избыточного инфляцион-

ного давления. С этой точки зрения повышенные бюджетные траты будут сокращать потенциал естественного фондирования экономики, рост которого ЦБ РФ будет демпфировать через более высокую учетную ставку, что в целом позволит сохранить низкий уровень инфляции.

Таким образом, корректировка планового объема бюджетного дефицита на 2023-2024 гг. будет тесно корреспондировать с прогнозами изменения уровня учетной ставки с учетом реальной динамики кредитования и изменения потребительского спроса.

Такая связь хорошо прослеживается на примере 2022 г., когда возрастание неопределенности при повышенных геополитических рисках привело к росту доходности ОФЗ, а также повышению ставок по вкладам и кредитам со стороны банков в условиях оттока ликвидности и возрастания кредитных рисков. То есть рынок отреагировал на геополитику ужесточением денежно-кредитных условий. Это привело к подавлению проинфляционных рисков, что позволило регулятору не повышать учетную ставку и взять паузу.

Таким образом, формирование дальнейшей политики будет определяться оценкой баланса рисков на среднесрочную перспективу и корректировками бюджетного дефицита.

На конец 2022 г. мобилизация и миграционный отток привели к торможению экономической динамики в результате возрастания шоков со стороны и спроса и предложения. Ослабление спроса выступает дефляционным фактором на периметре 2022 г. При этом, в среднесрочной перспективе определяющее значение для экономики приобретают именно проинфляционные риски, что может стабилизировать уровень ставки со стороны регулятора.

Переключение домохозяйств на режим вынужденной экономии и отказа от необязательных трат будет сопровождаться сокращением объемов розничного кредитования. На этот сценарий будет работать общее ужесточение условий кредитования, рост ставок и снижение доступности кредита как реакция на затратные предпочтения в виде кредитных каникул для мобилизованных, списания кредитов для погибших и тяжело раненных, а

также общего миграционного оттока части населения. Все это будет сдерживать рост потребления, а значит и скорость восстановления экономики, которая будет испытывать на себе ограничивающее дефляционное влияние слабого спроса.

Между тем, согласно оценкам ЦБ РФ, в экономике формируются предпосылки для нормализации потребления, поскольку стабилизация уровня доходов домохозяйств происходит в условиях расширения мер социальной поддержки населения.

Экономическая политика регулятора в условиях санкций становится сложной результирующей наложения ряда факторов.

С одной стороны, это относительно стабильный спрос, который не является ориентиром для варьирования учетной ставки со стороны регулятора с целью поддержать потребление.

С другой в условиях санкций, блокирования товарного импорта из ЕС и США, ограниченных возможностей для быстрого и результативного фронтального импортозамещения денежно-кредитная политика ориентируется не на уровень агрегированного выпуска и его динамику, «а на соответствие совокупного спроса возможностям производства и доступности импортных поставок на рынок товаров и услуг. То есть, если сжатие предложения окажется сильнее, то и сократившийся спрос может оказаться слишком «перегретым» с точки зрения текущего потенциала экономики» [2].

Таким образом, управление ростом происходит в условиях более сложного и подвижного баланса слабого поддерживаемого спроса и шоков предложения, объем и динамику которого трудно точно спрогнозировать в условиях обновления санкций и начавшейся перестройки реально производящего контура экономики.

В 2023-2024 гг. будет формироваться новый баланс факторов и уровень неопределенности, риски которой будут закладываться в политику регулятора.

По итогам 2022 г. экономика России выходит в фазу, где начинают преобладать проинфляционные риски из-за мобилизации и оттока трудовых ресурсов в различных секторах экономики (строительство, логистика,

сельское хозяйство, сфера услуг), что будет системно ограничивать рост товарного предложения и притормаживать динамику восстановления отраслевых рынков. При рекордно низкой безработице ограничения на уровне трудовых ресурсов могут усиливать зарплатную конкуренцию предприятий за сотрудников, что также будет стимулировать увеличение цен в экономике из-за дополнительной инфляции издержек производственного сектора. Сокращение численности рабочей силы также будет сдерживать экономическую и инвестиционную активность бизнеса, который не сможет уверенно строить планы долгосрочного развития и масштабно вкладываться в рост.

Высокие экономические риски будут также ограничивать и корпоративное кредитование, что заставит бизнес вернуть инвестиционные программы модернизации и/или расширения мощностей. То есть, сократить инвестиции и выпуск. Это может оказывать критическое воздействие на процессы перестройки производственных цепочек, перепрофилирования мощностей при реализации стратегий выхода в новые сегменты и ниши рынков, сдерживать процесс импортозамещения в экономике.

В целом, подытоживая основные тезисы и выводы, представленные выше, можно заключить следующее. На конец 2022 г. экономика России выходит на сложную результирующую дезинфляционных факторов и возрастания проинфляционных рисков, баланс которых строится в условиях ограничений со стороны спроса и предложения. Низкие доходы населения, мобилизация и отток рабочей силы, высокий уровень неопределенности и риски отраслевых инвестиций для бизнеса, который лишен возможности работы с «дальним прицелом» - все это ограничивает возможности для ускоренного восстановления экономики.

Ее адаптация к шокам на уровне спроса, рынка труда, кредитно-депозитной активности и инфляционных ожиданий базируется на формировании механизмов тонкой настройки денежно-кредитной политики, а также прогнозов ЦБ по инфляции и средней ключевой ставки на будущий период, которые отражают оценку регулятором и Минэкономразвития баланса рисков на среднесрочную перспективу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ, увеличение бюджетного дефицита приводит к повышательной корректировке прогнозов ЦБ средней ключевой ставки на 2023-2024 гг. с поправкой на учет темпов роста кредитования, динамики предложения и потребительского спроса.

Пандемия и санкции показали, что экономика России накопила определенную структурную асимметрию в паре «спрос-предложение», где избыточная поляризация домохозяйств формирует критическую зависимость производства от слабого потребления, что снижает устойчивость экономики в периоды кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанова М. Апокалипсис в мировой экономике по сценарию проф. Рубини. Да или нет? // По данным официального портала финансовой компании «ФИНАМ». URL: <https://www.finam.ru/publications/item/apokalipsis-v-mirovoy-ekonomike-po-stsenariyu-rubini-da-ili-net-20221021-1645/> (дата обращения: 01.11.2022)

2. Беленькая О. Возросшая неопределенность – аргумент в пользу паузы ЦБ в отношении ключевой ставки // По данным официального портала финансовой компании «ФИНАМ». URL: <https://www.finam.ru/publications/item/vozrosshaya-neopredelennost---argument-v-polzu-pauzy-tsb-v-otnoshenii-klyuchevoy-stavki-20221024-1038/> (дата обращения: 05.11.2022)

3. Беломестнова И.А., Беломестнов В.Г., Маншеева Л.Н. Снижение уровня бедности как национальная цель развития // Образование и наука. Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 60-летию ВСГУТУ. Улан-Удэ, 2022. С. 20-23.

4. Благосостояние населения. Тринадцать тезисов об экономике. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/ТТ2022_10.pdf (дата обращения: 01.11.2022)

5. Бузгалин А.В., Хубиев К., Теняков И.М., Заздравных А. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16-44.

6. Вяльшина А.А. Анализ подходов к оценке уязвимости домохозяйств // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2018. № 1. С. 38.

7. Катов В.В. Структурная политика как основной фактор роста национальной экономики РФ // Ученые записки. 2020. № 2 (34). С. 46-52.

8. Кузнецов К.В. О мониторинге уровня потребления в целях устойчивого развития // Статистика и Экономика. 2022. Т. 19. № 1. С. 18-27.

9. Магомадов В.А. Макроэкономические ограничения и дефицит новых драйверов развития АПК в 2018-2019 гг.: восстановление хронологии событий/ В.А. Магомадов // ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: сборник научных статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (30 декабря 2020 года) / редкол.: Горохов А.А. (отв. ред.); Юго-Зап. гос. ун-т.; в 2-х томах, Том 1, – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2020. С.309-313.

10. Петров Д.А., Соломенникова В.С. Влияние пандемии на экономику и темпы ее роста // Актуальные проблемы современной экономики: экономическое развитие в условиях цифровой экономики. Сборник научных работ молодых исследователей. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, институт экономики и управления. Санкт-Петербург, 2021. С. 82-86.

11. Поршаков А., Федулова М., Чернядьев Д. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости // Центральный банк РФ. Аналитическая записка. 2022. Январь. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения: 17.10.2022).

12. Сусин Е. Станет ли инфляция платой за быстрое восстановление? // Cbonds Review. 2021. №3. С.14-

13. Тринадцать тезисов об экономике: первые шаги кризиса в зеркале макроэкономического прогноза // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/TT2022_2.pdf (дата обращения: 18.10.2022).

Վախա Մահումադով, Պատժամիջոցները և Ռուսաստանի տնտեսության կառուցվածքային ադապտացիան հետհամաճարակային շրջանում - Հեղինակը վերլուծում է Ռուսաստանի տնտեսության կառուցվածքային ադապտացիայի առանձնահատկությունները պատժամիջոցների սահմանափակումների, առաջարկի և պահանջարկի աճող ցնցումների, դրանց ճգնաժամային անհավասարակշռության համատեքստում՝ հաշվի առնելով անկայուն սպառման մոդելը: Հիմնարկված են դրամավարկային քաղաքականության և զեղչային դրույքի կարգավորման վերաբերյալ որոշումները, որոնք դառնում են ապրանքային շուկայի իրավիճակի շարժունակության, ներմուծման սահմանափակ հասանելիության, արտադրական շղթաների վերահավաքման և ներմուծման փոխարինման զարգացող գործընթացի բարդ ածանցյալ. մոբիլիզացիոն ցնցումների, աշխատանքային ռեսուրսների միգրացիոն արտահոսքի և տնտեսության արտաքին ուրվագծում աշխարհաքաղաքական իրավիճակի մշտական անորոշության պատճառով վերականգնման աճի արգելակումը:

2022 թվականին Ռուսաստանի դեմ ոլորտային պատժամիջոցների խստացումն ու ընդլայնումը կտրուկ կթարմացնեն հեղինակի հիմնական ուղերձներն ու եզրակացությունները՝ պայմանավորված ներմուծման ոլորտային փոխարինման ծրագրերին պետական աջակցության ավելի բարդ պայմաններով, արտադրական շղթաների արագացված վերակառուցման անհրաժեշտությամբ և տնտեսության ապրանքների մատակարարման համակարգի հակադարձմանը հյուսիսից հարավ և արևմուտքից արևելք:

Vaga Maomadov, Sanctions and structural adaptation of the Russian economy in the post-pandemic period - The author analyzes the features of the

structural adaptation of the Russian economy in the context of sanctions restrictions, increasing shocks on the supply and demand side, their crisis imbalance, taking into account the unsustainable consumption model. Decisions in the field of monetary policy and regulation of the discount rate are substantiated, which become a complex derivative of the mobility of the commodity market situation, limited availability of imports, the developing process of reassembly of production chains and import substitution, as well as the inhibition of recovery growth due to mobilization shocks, migration outflow of labor resources and the persistent uncertainty of the geopolitical situation in the external contour of the economy.

The tightening and expansion of sectoral sanctions against Russia in 2022 will sharply update and sharpen the key messages and conclusions of the author due to the more complex conditions of state support for sectoral import substitution programs, the need for an accelerated restructuring of production chains and a reversal of the commodity supply system of the economy from north to south and from west to east.

Ուղարկվել է խմբագրություն 20.09.2023թ.

Գրախոսվել է 22.09.2023թ.

Ստորագրվել է տպագրության 25.09.2023թ.